

На горе Шанцин, у скалы Сюаньюэ, огромный водопад низвергается с небесной выси, точно прозрачный холст, и с грохотом разбивается о бездну, подобно табуна разгоряченных скакунов.

На рукотворном помосте в форме лотоса восседал мужчина в белых тренировочных одеждах школы Шанцин. Его длинные черные волосы были собраны на затылке, а взгляд, острый и пронзительный, странным образом сочетался с мягкой, текучей энергией, словно он полностью растворился в величии гор и вод.

Это был Ван Лян, покинувший семью Ван много лет назад. Вокруг него постепенно проявлялись фиолетовые сферы — словно призрачные мыльные пузыри. Под воздействием его силы электрические разряды расцветали, превращаясь в лепестки лотоса, и эти вращающиеся фиолетовые цветы расплзались по всей глади озера.

Ван Лян нарушил безмятежность пейзажа: в одно мгновение все лотосы погрузились в воду, вызвав целую череду мощных фонтанов. Казалось, они пытаются поспорить с водопадом, вздымая воду из бездны и заставляя её течь вспять.

Поднявшись с помоста, Ван Лян заложил руки за спину и направился прочь. Его широкие рукава скрывали ладони, а на белоснежном костюме не осталось ни единой капли влаги.

Сегодня на горе Шанцин был великий день — прием новых учеников. Глава Чжан с самого утра просматривал списки, вглядываясь в прибывающих, чей приход принес с собой влажную свежесть, наполнившую сухой горный воздух.

Чжан Линьфу знал, что Ван Лян с раннего утра тренируется, и участливо спросил:

— Ты уже завтракал?

Ван Лян кивнул.

Чжан Линьфу отложил список, развернув его на столе. Ван Лян увидел имя Ван Хуан и вспомнил племянницу, которая специально прибыла на гору Шанцин, чтобы навестить его. Это была дочка того самого пухлого мальчишки, который когда-то у ворот дома семьи Ван чуть не сбил с ног Мастера Чжана. Время в горах течет незаметно, и вот уже дети тех детей сами обзавелись семьями.

Заметив взгляд Ван Ляна, Чжан Линьфу поинтересовался:

— Ты её знаешь?

Ван Лян напомнил:

— Помнишь того пухлого мальчишку, который врезался в тебя в доме Ван?

Чжан Линьфу долго копался в памяти, прежде чем кивнуть.

— Это его дочь, — сказал Ван Лян.

— И она пришла на гору Шанцин? — удивился Чжан Линьфу. Семья Ван в последние годы пришла в упадок. После смерти деда Ван Ляна над главой семьи не осталось старших, методы управления стали жесткими и опрометчивыми, утратив ту мудрость и сдержанность, что были при Ван Се.

— Если бы ты остался в семье Ван... — тихо произнес Чжан Линьфу.

Ван Лян обошел стол и сжал его плечи. Боль в мышцах вывела главу школы из задумчивости.

— Я на горе Шанцин, — ответил Ван Лян. — Здесь я достиг больших успехов в мистическом искусстве.

Он слегка надавил на плечи Чжан Линьфу, а затем просто положил на них руки, глядя на огромную курильницу за дверью.

— Если бы я остался в семье Ван, возможно, она бы сохранила былое величие, но я перестал бы быть Ван Ляном с горы Шанцин и стал бы просто главой семьи, — прошептал он, склонившись к самому уху Чжан Линьфу.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — Чжан Линьфу накрыл руку Ван Ляна своей. Они были вместе уже несколько десятилетий — прожили бок о бок дольше, чем были знакомы до этого. Он был искренне благодарен Ван Ляну за то, что тот всегда был рядом.

На посту главы школы Шанцин лежит слишком много ответственности и давления. Старый Небесный Мастер всю жизнь был одинок, и в глубине души он всегда жалел своего младшего ученика, которому предстояло принять этот пост, желая, чтобы рядом с ним был кто-то, кто согреет его сердце.

Чжан Линьфу не впервые принимал учеников, но его последователей было немного, а могил на кладбище — всё больше. Там покоились его наставник, его старшие братья и его собственные ученики...

Заметив, что он погрузился в печальные мысли, Ван Лян убрал руку, прерывая его раздумья:

— Время почти вышло, ты разве не готов?

Он поправил выбившуюся прядь волос у уха Чжан Линьфу, глядя на его заколку. Он подумал о том, как долго тот носит это украшение в виде обезьянки, обнимающей луну — кажется, это был подарок, который он сам преподнес ему на день рождения.

Чжан Линьфу встал и снял с вешалки облачение главы.

— Пойдем, увидимся с твоей родственницей.

Ван Лян вышел вместе с ним из кабинета.

— Её отец сказал, что девчонка упрямая. Услышала, что на Шанцине есть выдающийся наставник, и не захотела учиться у домашних учителей, а во что бы то ни стало решила попасть сюда.

Чжан Линьфу рассмеялся:

— Похоже, она приехала именно ради тебя.

Ван Лян лишь слегка улыбнулся. Белые одежды подчеркивали фиолетовую метку у него на лбу, делая его похожим на небожителя, но в его взгляде всё ещё сквозила та же строптивость, что была в юности. Став главой школы, Чжан Линьфу обрел спокойствие и уверенность, которых ему так не хватало, когда он впервые пришел в дом семьи Ван.

В главном зале группа детей с тревогой стояла на месте. Кто-то с любопытством оглядывался, кто-то понуро молчал, а кто-то широко раскрытыми глазами, похожими на виноградины, смотрел на вход, ожидая появления наставников.

Как только Чжан Линьфу и Ван Лян вошли, они сразу заметили пару живых, блестящих глаз — это была маленькая девочка.

Чжан Линьфу не стал произносить длинных речей. Он просто встал перед детьми и спросил:

— Я глава школы Шанцин, Чжан Линьфу. Желаете ли вы стать учениками нашей обители?

Послышались робкие и сбивчивые ответы: все выразили согласие.

Чжан Линьфу не принимал учеников сразу — он должен был проверить их способности и лишь после успешного испытания зачислял в школу. Но вдруг в зале раздался один выбивающийся из общего хора голос:

— Обязательно становиться именно твоим учеником? Нельзя выбрать другого учителя?

Прямота и звонкий голос девочки заставили присутствующих сдержать улыбку. Чжан Линьфу и Ван Лян переглянулись.

Чжан Линьфу посмотрел на неё:

— А чьим учеником ты хочешь стать?

Девочка, ничуть не испугавшись, подняла руку и указала на Ван Ляна:

— Я хочу быть его ученицей!

Чжан Линьфу повернулся к Ван Ляну, выразительно глядя на него: мол, разбирайся сам.

Ван Лян усмехнулся:

— Ты даже не знаешь, кто я, а уже хочешь стать моей ученицей?

Девочка ответила:

— Я знаю, что ты тоже носишь фамилию Ван! И я тоже Ван, меня зовут Ван Хуан, Хуан — как феникс! Отец сказал, что я — феникс семьи Ван, и только дитя-цилинь может сравниться со мной!

Ван Ляна когда-то называли дитя-цилинем семьи Ван за его непревзойденный талант. Услышав это, он рассмеялся. Видимо, его пухлый племянник не зря старался.

— Вот как? — переспросил он.

Вероятно, решив, что Ван Лян ей не верит, девочка внезапно выпустила электрические разряды. Фиолетовые искры заструились по её рукам, словно ленты небесной девы. Она гордо вскинула голову, всем своим видом показывая, насколько она сильна.

Увидев, что она в столь юном возрасте так мастерски управляет Методом Грома, Ван Лян не скрыл своего удовлетворения.

— У тебя действительно есть задатки, чтобы стать моей ученицей. Но предупреждаю: я очень требователен. Если не справишься — не смей плакать.

Ван Хуан энергично закивала.

Чжан Линьфу был поражен: он не ожидал, что Ван Лян, который никогда не проявлял желания брать учеников, согласится.

Ван Лян тихо сказал:

— Когда-то школа Шанцин принимала выходцев из знатных семей, чтобы они могли изучать здесь глубокие мистические искусства, а затем возвращались в мир, становясь авангардом в борьбе со злыми духами. Я сам из семьи Ван и видел, как она угасает. Нам нужна новая сила, ведь одна лишь гора Шанцин не может удержать небо.

Чжан Линьфу был тронут. Он знал, что семья Ван не раз пыталась убедить Ван Ляна вернуться, но он отказывал. С тех пор как ушел Ван Се, Ван Лян на горе Шанцин был по-настоящему одинок — даже больше, чем он сам.

Ван Лян, не зная, какие мысли одолевают главу школы, был искренне рад такому талантливому ребенку. Что же касается попыток семьи Ван навязать ему других детей — если бы хоть кто-то из них обладал таким же даром, как Ван Хуан, он бы не отказал.

К тому же, Ван Лян не сидел взаперти целыми днями. Му Тинлань и Дин Юэлоу часто навещали его, они вместе отправлялись в путешествия и раскрывали множество опасных дел. Разве мог бы он достичь таких высот, если бы просто отсиживался в четырех стенах?

Настоящих друзей было немного, но они были. И в жизни Ван Ляна на горе Шанцин, если не считать того, что он больше не должен был каждый день развлекать разговорами деда, мало что изменилось по сравнению с его прежней жизнью.

<http://bllate.org/book/18582/1789404>